

Научная статья / Article

УДК 008

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-1-83>

Семантика образа быка в якутской традиционной культуре

Суздадова Ульяна Петровна

Санкт-Петербургский государственный институт культуры, Санкт-Петербург,
Россия, upsuzdalova@mail.ru

Аннотация. *Статья посвящена анализу различных интерпретаций образа быка в культуре саха. Внимание сосредоточивается на спектре значений данного образа как символа якутской зимы, старшего родственника, демонического образа, существа, связанного со смертью, как элемента шаманских практик, символа воинственности, семантического элемента института детства, участника ритуала окропления молоком во имя прекращения падежа, как символа водной стихии и мужской энергии. Фиксируемые коннотации образа быка сопровождаются примерами из фольклорных текстов, легенд, сказок и песен. Отдельно рассматриваются современные интерпретации образа быка, генетически связанные с традиционной сферой якутской культуры.*

Ключевые слова: *традиционная якутская культура, бык, олонхо, эпос, шаман*

Для цитирования: Суздадова У. П. Семантика образа быка в якутской традиционной культуре // Человек. Культура. Образование. 2023. № 1. С. 83–97. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-1-83>

Semantics of the Image of a Bull in the Yakut Middle Culture

Uliana P. Suzdalova

St. Petersburg State Institute of Culture, St. Petersburg, Russia,
upsuzdalova@mail.ru

Abstract. *The article is devoted to the analysis of various interpretations of the image of a bull in the Sakha culture. Attention is focused on the spectrum of meanings of this image as: a symbol of the Yakut winter, an older relative, a demonic image, a being associated with death, as an element of shamanic practices, a symbol of militancy, a semantic element of the childhood institute, a participant in*

the ritual of sprinkling milk in the name of ending the case, as a symbol of the water element and male energy. The recorded annotations of the image of a bull are accompanied by examples from folklore texts, legends, fairy tales and songs. Modern interpretations of the image of a bull, genetically related to the traditional sphere of Yakut culture, are considered separately.

Keywords: traditional Yakut culture, bull, olonkho, epic shaman

For citation: Suzdalova U. P. T Semantics of the Image of a Bull in the Yakut Middle Culture. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*. 2023; 1:83–97 (In Russ.). <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-1-83>

Введение. Статья посвящена феномену «зооморфного кода», который является чрезвычайно интересным и самобытным пластом различных культур. Зооморфный код помогает сохранять своеобразие культур, специфику их мировосприятия.

В результате наблюдений людей над поведением и внешним видом животных появляются стереотипные представления о животных как об определенных типажах, которые переносятся на качества и действия человека и окружающей реальности. А. А. Формозов пишет, что древний человек не «очеловечивал» зверя, а «озверивал» самого себя, тем самым возник «звериный стиль», который, по его словам, явился как бы зеркалом, отображающим взаимоотношения людей с окружающей их природой [1, с. 17]. В. Н. Топоров указывает, что «представления о реальных способностях животных в сочетании с их использованием в классификациях, являющихся способом объяснения человеком самого себя и окружающей природы, создают возможность для мифологической персонификации себя в природе, для подчеркивания своего единства, объяснения ландшафта как наглядной истории своих предков» [2, с. 15].

Зооморфный код культуры носит устойчивый характер и на протяжении длительного времени, видоизменяясь и преобразуясь, сохраняет свой актуальный статус, что делает его весьма интересным для изучения.

Теоретико-методологические основы исследования. Сам по себе феномен зооморфного кода культуры представляет собой часть комплекса сведений об окружающей реальности (поддерживаемый соответствующими практиками), который существует в определенной культуре.

На основании применения семиотического подхода в статье раскрываются ценностные смыслы образа быка в традиционной

культуре якутов. Как показывает собранный материал, в содержании образа быка находят отражение как инвариантные и весьма распространенные представления человека о данном животном, так и те свойства и качества, которые отмечены в культуре саха, вызывая особые ассоциации. Исследованный материал в полной мере подтверждает многогранность образа быка, который участвует в трансляции специфики традиционного якутского мировоззрения в современном обществе.

Образ быка считается значимым элементом традиционной культуры якутов. Крупный рогатый скот сыграл важную роль в оформлении деятельностных начал культуры народа. Животные, которых якуты разводили и на которых охотились, наделялись особым статусом. По сей день жизнь якута вращается вокруг домашнего скота. Порода автохтонного быка отличается продуктивностью, выносливостью, неприхотливостью в содержании и по праву считается важным элементом хозяйственно-экономической деятельности. Хозяйственное использование быка в якутской культуре было различно. До начала XX века бык был не только источником мяса и шкуры, но и основной тягловой рабочей силой, включая обработку земли. При этом скотоводство являлось менее престижным занятием, чем коневодство (коней разводили зажиточные якуты). Но именно крупный рогатый скот составлял костяк хозяйства для основной массы населения и определял реальную экономическую обстановку. Помимо перечисленного якуты, не разводившие коней, использовали быка как транспортное средство: во время сенокоса и охоты, при добыче и заготовке льда на зиму.

Результаты исследования. Бык имеет прямое влияние не только на социально-экономическую сферу жизни якутов, его образ является полноценной частью духовной культуры. Крупное животное с массивными рогами и гулким ревом, с его агрессивностью и жизненной функцией стал объектом поклонения северного народа. Нередко бык становился участником ритуальных обрядов, ассоциировался с тотемными животными. Будучи основанным на хозяйственной деятельности, образ быка находил свое выражение в традиционной культуре, обретая различные коннотации и выступая как:

- существо, принимающее участие в процессе создания мира;
- символ якутской зимы;
- персонаж, связанный с покровителем рода;
- демонический образ;

- существо, связанное со смертью;
- элемент шаманских практик;
- символ воинственности;
- семантический элемент института детства;
- участник ритуала окропления молоком во имя прекращения падежа скота;
- символ водной стихии;
- символ мужской энергии.

В якутском фольклоре тема создания мира имеет разные интерпретации. Как правило, в данных текстах фигурируют образы животных, отражая неразрывную связь человека с окружающим миром. У якутов сохранился этиологический сказ, где *бык принимает участие в процессе создания мира*. Бог обратился к быку и коню: сделать зиму длинной или лето? Конь был за восторжествование лета, потому что зимой мерзли копыта. Бык же выступал за продление зимы, поскольку в жару у него мокнут ноздри. Господь послушался быка, таким образом зима оказалась длинной [3, с. 144–145].

Суровые природно-климатические условия способствовали появлению символа якутской зимы в лице черного *Быка Холода*. Большую роль в происхождении данного персонажа сыграла народная песня, где описывается великий Бык года. Он обитает в ущелье снежно-ледяной горы и просыпается во второй половине октября. Его дыхание сопровождается морозом и густым туманом, из подмышек исходит стужа, шкура у него из ледяных сосулек, нос из ледяной глыбы, глаза как до дна промерзшие проруби, ресницы из ледяной бахромы. Он несет с собой голод. Горе тому, кто не подготовил запасы сена и дров на зиму.

По другой версии Бык Холода берет свое начало из вод Северного Ледовитого океана, так как мороз и холод — явления, рождающиеся из воды. В конце января у духа зимы отламывается один рог, в конце февраля — другой, на этом морозный период завершается. С юга прилетает орел, символ весны и тепла. Слыша орлиный клекот, Бык отступает, затем с ледоходом по Лене возвращается в воды океана. В отдельных локальных вариантах традиции, в частности среди вилюйских якутов, бытовало представление, согласно которому Бык года прилетает осенью в виде птицы и далее постепенно принимает свой истинный тигрово-пестрый облик, теряя крылья и другие орнитоморфные черты [4, с. 278].

Прародителем образа быка холода является мамонт. Так как местные жители не видели вымершее животное, уцелевшие в по-

чве природного ледника бивни мамонта они воспринимали как рога гигантского быка [5, с. 19]. Такие «рога» служат основным маркером, производящим наибольший зрительный эффект. Считается, что на них держится черное зимнее небо. Бык холода — умирающий и возрождающийся персонаж, выступает как репрезентация чередования природных явлений и полностью соответствует календарному циклу якутов. Также следует указать, что символом холода выступает шкура быка. В одном из эпосов снежный горный проход, ведущий к божествам, сравнивается с вывернутой наизнанку мороженой шкурой быка, которая сверкает, словно мираж, пестреет, словно шмель [6, с. 70].

Символика быка имеет ярко выраженную связь с *покровителем рода*. В одной из легенд о населении якутского края говорится о родоначальнике — Великом Хоро, который прибыл на среднюю Лену на быке [7, с. 115]. Потомки Хоро проживают на территории Таттинского улуса, занимаются скотоводством, поддерживают популяцию аборигенной коровы. В память о старшем родственнике потомки Хоро установили памятник старику на быке в районном центре посёлке Ытык-Кюёль.

В архаическом мышлении якутов имеется противопоставление двух миров: Верхнего мира в образе коня и Нижнего — в образе быка. Поэтому вполне закономерно, что быку якуты приписывают *демонический образ*. Верхний мир описывают как светлую страну, где растёт неблекнущая трава, где нет темной ночи, растянулось одно спокойное лето и нет зимы [8, с. 38]. Там проживали айыы. Они создали Срединный мир и дают людям те или иные блага. В эпических сказаниях говорится, что небесные духи айыы занимались коневодством; если они спускались к людям, то чаще всего принимали облик коня или священной птицы — стерха. Тем не менее примечательно, что покровитель шаманов Господин Улуу Суорун спускается в мир людей в образе черного быка [9, с. 634], чтобы защитить тех, кто ему поклоняется, и восстановить справедливость. Нижний мир описывают как болотистую страну с непролазной грязью, с железной травой и железными деревьями. Там обитают немые, люди с глазами на затылке. Они разводят немычащих коров и неревущих, не способных к оплодотворению черных быков [4, с. 223]. В эпосе «Нюргун Боотур Стремительный» дается описание дикой страны, где горы, увязшие в вечной мерзлоте, уподобляются навсегда застывшим могучим быкам [10, с. 47], а кровавая дорога соотносится с вытянутым пищеводом откормленных быков [11, с. 93]. Обита-

телей этого мира якуты называют абаасы, которые олицетворяют собой злые силы [12, с. 5]. Эти существа с легкостью могли менять облик: превращаться в разных животных, птиц, стать невидимыми или принять вид природных явлений, таких как пурга, буря, лесные пожары и т. д. Некоторые из них при путешествии по мирам обращивались гигантским быком ржаво-бурой или черной масти [13].

Впоследствии образ быка нашел отражение в сказаниях о Нижнем мире, создавая условную фигуру «иноплеменника». В мифологических произведениях есть сюжеты, определяющие роль быка как персонажа свиты абаасы. Чудища поднимаются в Срединный мир верхом на одноглазом, однорогом быке-порозе с голубыми пятнами [14, с. 13]. У злого богатыря абаасы в эпосе «Нюргун Боотур Стремительный» имелся низкорослый бык, у которого из-под верхней губы торчали кривые клыки [10, с. 41]. Железный абаасы Уосуйа, проживающий на далекой окраине северного неба, спускается к людям на темношерстном быке [6, с. 365].

В работе В. Ф. Трощанского приводится легенда, где мужчина попал в племя Нижнего мира, а девица абаасы решает выпроводить гостя. Запрягает глиняно-красного быка в восьмикопыльную нарту, надевает бычий хомут с ледяной верхней частью и пускается в путь, сопровождая человека в мир людей. Их путь пролегал через берег кровавого моря [8, с. 63], на цвет которого походила шкура быка, тянущего нарту. Примечательно также, что кабальный договор между человеком и абаасы подписывается кровью на шкуре быка [6, с. 305].

Представители Нижнего мира питаются мертвечиной, человеческими душами. Зловонный запах абаасы вызывает у людей рвоту, а прикосновения отнимают силу, иногда убивают. Демоны не брезгуют и скотиной. Когда скот заболел или погибал, люди считали это злым происком абаасы. В фольклорной среде бытует легенда, что в Сунтарском улусе родился теленок с ушами, как у собаки, говорили, что этот теленок имеет род от абаасы. В таких случаях якуты вешали в переднем углу коровника перья лебедя или глухаря как защиту от абаасы [8, с. 58].

В якутской традиционной культуре бык представлен как *существо, связанное со смертью*. Вполне возможно, что здесь важную роль играет противопоставление двух миров, о котором было сказано выше. Если на свет появлялся новый якут, то в Срединный мир спускалась богиня Айыысыт — защитница рожениц и детей — в образе белой кобылицы. В свою очередь, смерть могла ассоцииро-

ваться с образом быка. Данное предположение получило подтверждение в повествовании жительницы села Ботулу Верхневилуйского улуса — Евдокии Саввиновой. Она рассказала, что предки ботулинцев видели у проруби быка темно-зеленой масти. Старейшины говорили, что это к смерти кого-нибудь из рода князя Оногочута. Так, после появления у водополя быка через несколько дней умирал человек из клана местного князя. Несмотря на тесную связь со смертью и преисподней, бык не фигурирует как транспортное средство для душ умерших людей. Чаще всего душа усопшего поднимается на небо, приняв облик птицы, либо медиатором (проводником) между мирами выступает конь.

Будучи причастным к потустороннему миру, *бык является участником шаманских практик*. Даже после распространения православия среди якутов, шаманы не теряли своей актуальности. Они врачевали, выпрашивали благо у айыы, вступали в диалог с абаасы, чтобы спасти человеческие души. Болезнь, по представлениям саха, вызывалась вселившимся в человека враждебным духом, который грызет его изнутри. Чтобы извлечь злого духа из тела несчастного, шаман предлагал взамен испачканный кровью деревянный предмет с изображением человека или животного. Приняв сделку, злой дух вселялся в предложенный ему предмет и тем самым покидал тело больного. Таким предметом служило изображение быка с седоком. Также имелись изображения одного быка без седока. Либо же шаман, обняв больного, принимал в себя демонов, затем передавал жертвенной скотине. Скотину закалывали, голову и мясо съедали, кожу и кости вешали на дерево [15, с. 56].

Изображение быка фигурирует в испрашивании дождя для тушения лесного пожара. Камлание происходило на берегу озера. Шаман садился на подстилку прямо на землю, спиной к озеру. Вместо бубна использовал берестяные фигурки пчелы и пестрого быка. Трижды жалом берестяной пчелы касался изображения быка, как бы ужалывая его. Трижды обмакивал фигурку быка в воду, затем вместе с идолом и вовсе нырял в озеро. Оттуда он выходил с пустыми руками и пел: «Водяного быка пустил на воду, озерного быка пустил на озеро, дождевого быка выпустил дождю» [4, с. 161].

Во время камлания шаман кричал: «Мощный бык земли!», «Я мощный бык реву!», «Волшебный бык земли, явись! Заговори!» Посредством подобного призыва шаман заставлял снизойти на себя духа-покровителя, в данном случае волшебного быка [16, с. 80–81]. У каждого шамана имелся свой дух-покровитель в лице зверей и

птиц, их называли мать-зверь. Иногда враждующие шаманы сражались друг с другом, обернувшись быками. Якуты не исключали и другую версию, что борьбу вели не сами шаманы, а их мать-звери. Мать-зверь обитает на вершине высокой скалы, откуда и начиналось путешествие шамана. На коне он поднимался в Верхний мир, а превратившись в быка, спускался в Нижний. Изображения туров на наскальных писаницах по реке Токко Олёкминского улуса могут означать духов-хранителей шаманов, обитавших в тех местах [17, с. 47]. Этим определяется почитание якутами горных местностей.

Перед шаманской мистерией, чтобы раздобыть духов, преподносили угощение. Для духов Верхнего мира закалывали коня, а для подземного — быка. Сильный шаман, имевший духа-защитника — быка, который всегда шел впереди него, имел возможность оборотничества [4, с. 42]. Если дух болезни сопротивлялся и не поддавался камланию, то шаман вступал с ним в борьбу. Существует легенда, где шаман, обернувшись черным быком, поборол дух оспы. А. А. Попов писал, что во время камлания шаману приходится иметь дело со злыми духами, настроенными враждебно против человека. Иногда поперек дороги становится бык абаасы, и для освобождения пути шаман бывает принужден посылать бодаться своего быка, рискуя, таким образом, своей жизнью [4, с. 52].

Причастность быка к шаманской практике подтверждается в эпических сказаниях, где стадо белых быков фигурирует как меновая стоимость души ребенка [6, с. 183]. Также в олонхо «Строптивный Кулун Куллустуур» прослеживается сюжет оборотничества шаманов: так, шаманка, трижды покотившись, превращается в чернуборого быка [6, с. 183] с белой полосой вдоль спинного хребта и раскапывает холм, под которым притаились абаасы. Прорыв холм насквозь, достает сына и, снова трижды покотившись, становится женщиной [6, с. 184].

В якутской традиционной культуре наравне с шаманами стоят кузнецы. Они изготовляли военные орудия, богатырские доспехи, шаманскую атрибутику. Кузнечество является родовым ремеслом. В олонхо кузнецы за труд просят стада быков коричнево-черной масти с белым пятном посередине лба [10, с. 91]. И по сей день у якутов функционирует рабочая плата конным или рогатым скотом, так как скот остается показателем финансового достатка.

Образ быка находит проявление и в контексте *воинственной символики*. Агрессивное животное с острыми рогами почиталось якутами. При описании гиперболических богатырских битв часто

использовали аллегорический образ быка. Кулаки богатырей сравнивались с тушей быка [11, с. 199]. Отличавшиеся воинским духом исполины сравнивались с угрюмо мычащими быками [6, с. 217].

В ассоциативный ряд, определяющий воинственность образа быка, встает *мотив тавромахии*, который прослеживается в эпических сказаниях олонхо. Данный мотив включает не только противостояние между человеком и животным, но и ритуал инициации юноши, который наделен силой и которому суждено стать спасителем человеческого рода. В эпосе «Строптивный Кулун Куллустуур» богатырь племени айыы сталкивается с представителем сил зла в виде исполина-быка с гигантскими рогами (иногда сразу с несколькими быками), над которым он одерживает победу [6, с. 142]. В этом же эпосе главный герой сражается с быками гибели [6, с. 87]. В ходе поединка прислужники Нижнего мира бодают богатыря, пытаясь проткнуть насквозь [6, с. 90]. Победу одерживает богатырь айыы. Подобный сюжет принадлежит к наиболее архаичным пластам якутского устного народного творчества. Обращает на себя внимание, что бой с быком могут принять не только богатыри, но и мальчики. В эпосе «Строптивный Кулун Куллустуур» мальчик, будущий богатырь, имея один ножичек, вступает в бой с четырьмя откормленными быками. Он оставляет от упитанных соперников одни только головы [6, с. 181].

Кроме того, образ быка устойчиво соотносился якутами с *институтом детства*. Сидеть и уметь держаться в седле на коне требует определенного навыка и упорного обучения. Дети в раннем возрасте могли оседлать только быка или держать его за поводок. Пересесть со спины быка на коня означало взросление, такой переход считался своего рода инициацией. Мальчики, чтобы выяснить, кто сильнее, сталкивались лбами, подражая быкам. Кто столкнет противника за черту, тот и оказывался победителем. Данная игра имела связь с бычьими боями. В старину бой быков был массово-зрелищным мероприятием наравне с конными скачками. Как правило, такие действия затевались мальчиками из бедных семей. Кроме того, в культуре саха были распространены игрушки — деревянные, берестяные быки — для увеличения поголовья домашнего скота.

По сей день бык остается символом развития крестьянского хозяйства. Происхождение данного мотива было связано с традиционным укладом жизни якутов. В старину *бык был участником риту-*

ала во имя прекращения надежда скота. Спину быка окропляли мо-
локом, чаще всего этому обычаю следовали бедные семьи.

Образ быка занимает важное место в системе взаимоотноше-
ний якутов с *водным пространством*. Здесь прослеживается древ-
ний пласт охотничьей и рыболовной культуры. Предки саха из-
древле воспринимали воду как жизнедеятельную субстанцию, име-
ющую отношение к потустороннему миру. В фолькорных произведе-
ниях сохранился персонаж «водный бык», «водяной бык». А. Ку-
лаковский уточняет, что это существо считается среди якутов ду-
хом — хозяином воды [18, с. 44]. Считалось, что мамонтовые клыки
происходили от водяного быка. Треск зимнего льда приписывали
проделкам этого фантастического персонажа [19, с. 821].

Наконец, необходимо указать, что образ быка в культуре яку-
тов (как и во многих других культурах) ассоциируется с *высокой*
мужской энергетикой. Молодых людей с неумеренной дерзостью
сравнивают с быком. В якутской культуре о мужской энергии суще-
ствует поговорка — *самец, «подобный быку»*. Примечательно, что
женатый мужчина отождествлялся с быком с проколотым носом и
запряженными железными нартами [6, с. 128]. В якутской культуре
прослеживается тенденция развития образа быка и сюжетов о нем
как символа плодородия. В олонхо «Кёр Буурай богатырь» сказите-
ля Ынта богиня Айыысыт, дарительница детей и приплода домаш-
них животных, описывается как женщина, несущая в руках желтое
изобилие, а сопровождает ее самец-бык [20, с. 27]. Здесь образ быка
ассоциируется с плодородием и чувственным восприятием окружа-
ющего мира.

Образ быка, будучи значимым для культуры саха, адаптировал-
ся и нашел отражение во многих сферах культуры, как традицион-
ных, так и достаточно новых, например в информационном дизай-
не. В частности, образ данного животного фигурирует в качестве
элемента логотипа якутского сельскохозяйственного техникума
(на светло-зеленом фоне изображен бык белой масти как символ
развития крестьянского хозяйства). Также уместно упомянуть эм-
блему генофондного казенного предприятия «Якутский скот», где
также изображен бык местной породы на зеленом фоне. В качестве
элемента дизайна данный персонаж изображен на ярлыке якутско-
го велоклуба (две пересекающиеся составляющие: синий бык и мо-
ноцикл). Кроме названных, есть и другие примеры.

Бык, будучи героем различных сюжетов художественной куль-
туры якутов, находит место и в песенном искусстве. У якутов бога-

тая музыкальная традиция. Песенный жанр делится на несколько категорий начиная от протяжных песен о природе и любви, заканчивая героическим эпосом Олонхо. Исполнители импровизировали то дома перед камельком во время долгих зимних вечеров, то в дороге. Недаром говорят: «Саха сядет на быка — становится певцом!» Песни, исполняющиеся верхом на быке, несли импровизационный характер. Мелодия, ритм соответствовали медленным шагам быка, не требовали сопровождения различными телодвижениями. Манера пения была тихая. Такие песни назывались «дорожными» или «путевыми». Одной из главных тем народной песенной поэзии был животный мир. Бытовали песни и про быка. Согласно одной из песен, бедного быка огрели плетью, сели на спину. Он нес тяжести, вывозил нечистоты, в морозную зиму последним в коровник входил и первым выходил, все лето стоял он среди пчел и ос, не укрывался в тени и не прятался от комаров среди дымокура.

Сохраняется и трансформируется в современной культуре образ быка холода. Так, профессор Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова, первый якутский писатель-фантаст Гавриил Угаров — Эсээ Джыл — презентовал воссозданный им облик Духа Холода. Современный персонаж отличается от образа домашнего быка, как привыкли его рисовать якуты. Герой представлен в виде фантастического гибрида быка и мамонта с двойными рогами (бычьи рога совмещены с лосиными). Наличие необычных рогов автор определяет тем, что по легенде у быка холода весной выпадают рога, а у обычного быка сохраняются. У лося же весной выпадают. Поэтому у духа зимы рога совмещены с лосиными [21, с. 35].

В системе современных знаков и символов образ Духа Холода глубоко укоренился в качестве мем-месседжа. Мем быка воспринимается как идея зимы, усиления или смягчения холодов, активно распространяется через социальные сети, печатные материалы, радио и телевизионные передачи. Существующий в современной якутской культуре образ быка остался в комплексе феноменов, соответствующих традиционному сознанию якутов, и участвует в формировании региональной этнокультурной специфики.

Мотив быка проявляется и в государственной символике республики. На гербе полюса холода Оймяконского улуса изображена серебряная голова быка, властелина экстремальных морозов, а для условно-реалистической передачи образа использованы исходящие из ноздрей ритмические завитки, символизирующие холод-

ное дыхание. На гербе Верхневилъюйского улуса орнаментированы взаимообращенные лошадиные головы, увенчанные бычьими рогами, которые символизируют сельскохозяйственную направленность экономики улуса.

Заключение. Итак, образ быка является одним из значимых и органично входит в весьма сложную и многогранную семиосферу якутской культуры. Это во многом связано с тем, что знаково-символическое пространство культуры якутов довольно ярко отражает влияние «месторазвития», природно-климатического ареала, в пространстве которого реализуется якутский культурогенез. Важно отметить, что значимые аспекты семиосферы культуры саха носят не случайный характер, а вполне закономерный, во многом обусловленный контекстом (особенностями природы и климата, спецификой деятельностных оснований, историко-культурным опытом и т. д.), в рамках которого они рождаются. Отразившись в знаково-символической форме, определенный историко-культурный опыт транслируется от поколения к поколению, формируя сердцевину семиосферы многих культур. «Именно посредством знаково-символической информации и на ее основе, т. е. облачаясь в знаки, символы, в слова, устную и письменную речь, знание “отчуждается” от его индивидуального носителя и входит в общий, интересубъективный оборот, начинает функционировать в социуме, передается от человека к человеку, от поколения к поколению» [22, с. 79].

Список источников

1. Формозов А. А. Памятники первобытного искусства на территории СССР. М.: Наука, 1980. 130 с.
2. Топоров В. Н. Первобытные представления о мире (общий взгляд) // Очерки по истории естественно-научных знаний в древности. М.: Наука, 1982. С. 8–40.
3. Якутские народные сказки / отв. ред. Н. В. Емельянов, Ю. И. Смирнов. Новосибирск: Наука, 2008. 462 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 27).
4. Попов А. А. Материалы по религиозным представлениям якутов бывшего Вилюйского округа // Сборник музея антропологии и этнографии. Выпуск XI. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 255–323.
5. Миддендорф А. Ф. О сибирских мамонтах // Вестник естественных наук. 1860. № 26, 27. С. 26–28.

6. Строптивный Кулун Куллустуур: олонхо / зап. В. Н. Васильева со слов сказителя И. Г. Тимофеева-Теплоухова; подг. к печати В. В. Обоюкова. Якутск: Издательский дом СВФУ, 2014. 280 с.
7. Багдарыын Сүлбэ. Улуустар ааттара. Дьокуускай: Бичик, 2001. 144 с.
8. Трощанский В. Ф. Эволюция черной веры (шаманства) у якутов. Казань: Типолитография Императорского университета, 1902. 185 с.
9. Серошевский В. Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. М.: РОССПЭН, 1993. 736 с.
10. Нюргун Боотур Стремительный: Якутский героический эпос олонхо / П. А. Ойунский; пер. В. Державин. Якутск: Кн. изд-во, 1975. 438 с.
11. Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока / Кыыс Дэбиллэйэ : якутский героический эпос. Новосибирск: Наука, 1997. 326 с.
12. Пекарский Э. К. Словарь якутского языка М.: АН СССР, 1959. Т. I. Вып. 1–4. 1280 ст.
13. Костырко В. Оппозиция конный скот / рогатый скот и якутский мифологический пантеон // Лаборатория фольклористики РГГУ. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/folklorelaboratory/kostyrko.htm> (дата обращения: 30.04.2022).
14. Макаров С. Хозяин холода и дух озер: водяные быки в якутской мифологии // Фольклористика. 2017. № 2/2. С. 11–25.
15. Васильев В. Н. Изображения долгано-якутских духов как атрибуты шаманства. СПб.: Тип. МПС (Товарищества И. Н. Кушнеревъ и Ко), 1910. 20 с.
16. Михайловский В. М. Шаманство: сравнительно-этнографические очерки. М.: ЛИБРОКОМ, 2010–2011. 115 с.
17. Окладников А. П., Мазин А. И. Писаницы реки Олёкмы и Верхнего Приамурья. Новосибирск: Наука, СО, 1976. 187 с.
18. Кулаковский А. Е. Научные труды. Якутск: Якутское книжное издательство, 1979. 482 с.
19. Миддендорф А. Ф. Путешествие на север и восток Сибири. Ч. 2. Север и восток Сибири в естественно-историческом отношении. Отд. 6. Коренные жители Сибири. (Оконч.). СПб.: Изд-во Имп. акад. наук, 1878. С. 619–833.
20. Александров Н. С. Көр Буурай бухатыыр: [Олонхо]. Дьокуускай: Бичик, 2000. 192 с.
21. Романов М. У. Быка вырастает первый рог // Якутск вечерний. 29 октября 2021. С. 35.
22. Тхагапсоев Х. Г. и др. Информационно-семиотическая теория культуры: введение / Х. Г. Тхагапсоев, О. Н. Астафьева, И. И. Докучаев, И. В. Леонов. СПб.: Астерион, 2020. 208 с.

References

1. Formozov A. A. *Pamyatniki pervobytnogo iskusstva na territorii SSSR* [Monuments of primitive art on the territory of the USSR]. Moscow: Nauka, 1980. 130 p. (In Russ.).
2. Toporov V. N. Primitive ideas about the world (general view). *Ocherki po istorii estestvennonauchnykh znaniy v drevnosti* [Essays on the history of natural science knowledge in antiquity]. Moscow: Nauka, 1982. Pp. 8–40. (In Russ.).
3. *Yakutskie narodnye skazki / Otv. red. toma N.V. Emel'yanov, YU.I. Smirnov*. [Yakut folk tales]. Novosibirsk: Nauka, 2008. 462 p. (Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East; Vol. 27). (In Russ.).
4. Popov A. A. Materials on the religious beliefs of the Yakuts of the former Vilyui district. *Sbornik muzeya antropologii i etnografii* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Issue XI. Moscow-Leningrad: Izdatel'stvo akademii nauk SSSR, 1949, pp. 255–323. (In Russ.).
5. Middendorf A. F. About Siberian mammoths. *Vestnik estestvennykh nauk* [Bulletin of natural sciences], 1860, no 26, 27, pp. 26–28. (In Russ.).
6. Stroptivyy Kulun Kullustuur: olonkho [Shrew Kulun Kullustuur: olonkho] / [zap. V. N. Vasil'eva so slov skazitelya I.G. Timofeeva-Teplouhova; podg. k pečati V. V. Oboyukova]. Yakutsk: Izdatel'skij dom SVFU, 2014. 280 p. (In Russ.).
7. *Bagdaryyn Sylbe. Uluustar aattara*. D'okuuskaj; Bichik, 2001. 144 p. (In Suh.).
8. Troshchanskij V. F. *Evoljuciya chernoj very (shamanstva) u yakutov* [The evolution of the black faith (shamanism) among the Yakuts]. Kazan': Tipo-litografiya Imperatorskogo Universiteta. 1902, 185 p. (In Russ.).
9. Seroshevskij V. L. *Yakuty. Opyt etnograficheskogo issledovaniya* [Yakuts. Ethnographic research experience]. Moscow: ROSSPEN. 1993. 736 p. (In Russ.).
10. *Nyurgun Bootur Stremitel'nyj: Yakutskij geroicheskij epos olonkho / vossozdal na osnove narodnykh skazanij P.A. Ojunskij; perevel na russkij yazyk V. Derzhavin* [Nyurgun Bootur the Swift: The Yakut heroic epic olonkho / recreated on the basis of folk tales by P.A. Ojunsky; translated into Russian by V. Derzhavin]. Yakutsk: Kn. izd-vo, 1975. 438 p. (In Russ.).
11. *Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka / Yakutskij geroicheskij epos «Kyys Debiliie»* [Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East / Yakut heroic epic “Kyys Debiliie”]. Novosibirsk: VO «Nauka», 1997. 326 p. (In Russ.).
12. Pekarskij E. K. *Slovar' yakutskogo yazyka* [Dictionary of the Yakut language]. Vol. I. Vyp. 1–4. Moscow: AN SSSR, 1959. 1280 p. (In Russ.).
13. Kostyrko V. Opposition horse cattle / cattle and the Yakut mythological pantheon. *Laboratoriya fol'kloristki RGGU* [Laboratory of folklorists of the Russian State Humanitarian University]. Available at: <http://www.ruthenia.ru/folklore/folklorelaboratory/kostyrko.htm> (accessed 30.04.2022). (In Russ.).
14. Makarov S. The owner of the cold and the spirit of the lakes: water bulls in Yakut mythology. *Fol'kloristika* [Folklore], 2017, no 2/2, pp. 11–25. (In Russ.).

15. Vasil'ev V. N. *Izobrazheniya dolgano-yakutskih duhov kak atributy shamanstva* [Images of Dolgan-Yakut spirits as attributes of shamanism]. St. Petersburg: Tipografiya Ministerstva putej soobshcheniya (Tovarishchestva I. N. Kushnerev" i Ko), 1910. 20 p. (In Russ.)

16. Mihajlovskij V. M. *Shamanstvo: sravnitel'no-etnograficheskie ocherki* [Shamanism: Comparative Ethnographic Essays]. Moscow: «Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2010–2011. 115 p. (In Russ.)

17. Okladnikov A. P., Mazin A. I. *Pisanicy reki Olyokmy i Verhnego Priamur'ya* [Paintings of the Olekma River and the Upper Amur Region]. Novosibirsk: Izdatel'stvo «Nauka» Sibirskoe otdelenie, 1976. 187 p. (In Russ.)

18. Kulakovskij A. E. *Nauchnye trudy* [Scientific works]. Yakutsk: Yakutskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1979. 482 p. (In Russ.)

19. Middendorf A. F. *Puteshestvie na sever i vostok Sibiri. Ch. 2. Sever i vostok Sibiri v estestvenno-istoricheskom otnoshenii. Otd. 6. Korennye zhiteli Sibiri. (Okonchanie vsego sochineniya)* [Journey to the north and east of Siberia. Part 2. The North and East of Siberia in Natural History. Dep. 6. Indigenous people of Siberia. (End of the whole essay)]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Imp. akad. nauk, 1878. Pp. 619–833. (In Russ.)

20. Aleksandrov N.S. *Ker Buuraj buhatyyr: [Olorho]*. D'okuuskaj: Bichik, 2000. 192 p. (In Suh.) (In Russ.)

21. Romanov M. U. The bull's first horn grows. *Yakutsk vechernij* [Evening Yakutsk], 29 oktyabrya, 2021, p. 35. (In Russ.)

22. Thagapsoev H. G. i dr. *Informacionno-semioticheskaya teoriya kul'tury: vvedenie* [Information-semiotic theory of culture: an introduction] / H. G. Thagapsoev, O. N. Astaf'eva, I. I. Dokuchaev, I. V. Leonov. St. Petersburg: Assterion, 2020. 208 p. (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Суздалова Ульяна Петровна

Uliana P. Suzdalova

аспирант кафедры теории
и истории культуры Санкт-
Петербургского государственного
института культуры

post-graduate student of the
Department of Theory and History
of Culture of Saint Petersburg State
Institute of Culture

191186, Россия, Санкт-Петербург,
Дворцовая набережная, д. 2

2, Palace Embankment, Saint-
Petersburg, 191186, Russian
Federation

Статья поступила в редакцию / The article was submitted
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing
Принята к публикации / Accepted for publication

17.06.2022
02.07.2022
23.11.2022